

А.Е. Снесарев

Этнографическая Индия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.Е. Снесарев**
Этнографическая Индия / А.Е. Снесарев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 278 с.

ISBN 978-5-458-35977-1

Книга посвящена особенностям индийского традиционного общества. Три очерка рассказывают о религиях страны с древности до новейшего времени, о сущности касты и теориях происхождения кастовой системы, о жизненном укладе типичной индийской

ISBN 978-5-458-35977-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

А. Е. СНЕСАРЕВ
(1865—1937)

ровольно дала сжечь себя на погребальном костре мужа, или о том, что девочка была выдана замуж в младенческом возрасте, или о том, что мальчика принесли в жертву богам, чтобы вызвать дождь. Религия продолжает играть огромную роль и в быту и в политических воззрениях простых людей. До сих пор в Индии немыслима антирелигиозная пропаганда и продолжают кровавые конфликты между индусами и мусульманами, между высокими и низкими кастами.

Конечно, мы не можем поручиться, что буквально все обычаи, возмущающие современно мыслящего человека и описанные в книге, сохранились в неприкосновенности. Мы рекомендуем читателям не забывать, что в книге речь идет о прошлом. Однако мы уверены, что знакомство с этим прошлым, рассказ о нем эрудированного и доброжелательного, критичного и объективного человека, каким был А. Е. Снесарев, поможет читателю глубже понять проблемы, с которыми сталкивается Индия и сейчас.

Вторая часть того же вопроса: нет ли иных книг, более свежих, трактующих те же вопросы на новом, более современном уровне? Отдельные проблемы с тех пор освещались, но обоб-

щающей работы такого же характера на русском языке нет. Сравнительно более полно разработана в советской литературе проблема индийских религий. Есть монографии и сборники статей, посвященные древнеиндийским религиям, джайнизму, буддизму, индуизму. Раздел по индийским религиям в учебном пособии Л. С. Васильева (Культурно-религиозные традиции стран Востока. М., 1976) во многом перекликается с очерком, предложенным А. Е. Снесаревым. Но пособие Л. С. Васильева издано малым тиражом и широкому читателю недоступно, а кроме того, тема индийских религий неисчерпаема, и здесь нашему автору есть что сказать и в компании современных, гораздо более эрудированных в своей области, специалистов.

Что касается каст и сельской общины, то связанные с ними проблемы получили значительную разработку, правда в основном за границей. Пожалуй, самое интересное из вскрытого в последние десятилетия — механизм социальной мобильности, действующий внутри кастовой системы, так называемые санскритизация и вестернизация. А. Е. Снесарев, конечно, не знал этих терминов и соответствующих процессов, но приводимый им материал по критериям статуса в кастовой системе послужит фундаментом для того, кто возьмется за глубокое изучение этих процессов. Система джаджмани — взаимоотношения между рядом каст по обмену своей продукцией или услугами — также стала известной в подробностях позднее.

Безусловно, сейчас значительно шире сведения о числе каст, строении каждой из них, о характере их иерархии и т. п. Яснее стало и то, как каста может приспосабливаться к современному экономическому и социальному развитию. Вместе с тем основная проблематика раздела по кастам в данной книге — определение касты как института и ее происхождение — остается спорной, и разбор точек зрения на эти вопросы все еще актуален. Эта часть работы особенно интересна потому, что автор, хотя и имеет свою весьма четкую позицию по вопросу о существовании касты, дает подробно высказаться и своим предшественникам. Точки зрения Дж. К. Несфилда, Г. Рисли, Э. Сенара изложены подробно, с многочисленными цитатами, что само по себе имеет историографическую ценность.

Не имеет параллелей в литературе по Индии раздел, названный «Бытовые пейзажи». В нем содержится такая подробная и точная картина жизни индийской деревни в прошлом, что кажется, будто автор рисует эту картину с натуры, что он ведет читателя по деревенской улице. Еще раз приходится напомнить, что речь идет об Индии более чем полувековой давности. Много изменилось, особенно в деревнях, не столь удаленных от городов, а также в ряде районов, где произошла так называемая «зеленая революция». Появились дома под черепичными крышами, транзисторы, почти половина деревень электрифицирована, чуть не к каждому дому прислонен велосипед или мотоцикл.

Теперь богатые крестьяне съезжаются на общинные собрания на тракторах. Однако при всех несомненных изменениях образа жизни многие традиционные устои держатся все еще крепко — вся обрядовая сторона, взаимоотношения мужа и жены, снохи и свекрови, старших и младших. Сохраняется социальное единство сельской общины. Все еще не изжито страшное наследие средневековья — неприкасаемость.

Официально в Индии сейчас все люди равны независимо от национальности, расы, религиозной принадлежности или касты. Само слово «неприкасаемые» давно не употребляется. Его заменил термин «хариджане» («люди бога»), изобретенный М. К. Ганди в 20-х годах. Такое название по замыслу должно было способствовать поднятию их социального статуса. После завоевания независимости основные касты хариджан были занесены в список социальных групп, нуждающихся в специальном покровительстве властей, и получили после этого еще одно официальное название — «списочные касты». Им действительно покровительствуют: для них предназначено от 18 до 24% (в разных штатах) мест на государственной службе, их без конкурса принимают в учебные заведения. Но воспользоваться этими льготами могут лишь наиболее зажиточные хариджане. Большинство же даже не подозревает о возможностях, предоставленных им законом. Они продолжают быть закабаленными работниками, нередко настоящими долговыми рабами своих хозяев — землевладельцев из средних и высших каст. Их экономическое положение таково, что подъем их социального статуса немыслим. Слова «хариджан» и «списочный» в устах членов средних и высоких каст служат ругательством, подобно тому как раньше ругательствами были «неприкасаемый» и «шудра». Фактическое же сохранение неприкасаемости в деревне служит основой сохранения и многих других отживающих обычаев.

Той затерянной в глуши и забытой богом и людьми деревни, о которой повествуется на страницах книги, наверное, в Индии уже нет. Но многое от нее осталось — и не только в глуши, но и в пригороде, например в пригороде Дели, где в июле 1978 г. были жестоко избиты 12 хариджан, в том числе женщины, за то, что работали на полях, которыми их наделило правительство. В 1975 г. индийские социологи провели выборочное обследование сельских жителей, причем в выборке было 29% грамотных, в то время как в целом по стране среди сельского населения грамотных лишь 19%. Другими словами, данные обследования должны были несколько приукрашивать реальное положение. И вот оказалось, что лишь 30% знают имя премьер-министра Индиры Ганди, лишь 10% знают имя президента страны. А ведь это было время, когда вся Индия бурлила, когда в стране было объявлено чрезвычайное положение, когда казалось, что вся страна разделилась на сторонников и противников Индиры Ганди. Эти данные как нельзя лучше согласуются

и с нежеланием узнать что-либо за пределами своей деревни. Лишь 18% опрошенных хотели бы знать что-либо о событиях внешнего мира, остальным было вполне достаточно сведений о своей округе и о том, где какие праздники проводятся («Indian Express», 7.II.1976).

Знакомство со старой индийской деревней очень полезно, чтобы понять, прочувствовать и темпы изменений индийской жизни, и степень ее консервативности.

Работы А. Е. Снесарева всегда отличались практической направленностью. Он не занимался наукой ради науки. Он стремился ориентировать своего читателя в современной ему Индии, вооружить его сведениями для деятельности в Индии или связанной с Индией. Такую же направленность имела и серия «Индия. Страна и народ». Автор неоднократно напоминает, что не может входить в подробное рассмотрение исторических и теологических вопросов и касается их с единственной целью пояснить нынешнее состояние индийских быта, нравов, религиозного сознания. Этот практический подход, выработанный автором угол зрения на традиционные для индологии проблемы, сам по себе представляет ценность, давая специфическое и очень рельефное освещение и религиям, и касте, и быту. Однако автор знает, что понять современность только на сегодняшнем материале нельзя; что без исторического подхода, без диалектики развития картина станет статичной и уже потому искаженной. Сочетание историзма и практичности составляет одно из замечательных качеств работы.

Книга написана популярно и рассчитана на образованного, но специально не подготовленного читателя. А. Е. Снесарев рассказывает об индийской цивилизации изнутри, не утаивая ни великих завоеваний человеческого духа, ни характерных для той же цивилизации глубин бесчеловечности.

* * *

Книга печатается по корректуре, которую автор правил в 1930 г. Опущены главы, явно устаревшие либо по фактическому материалу, либо по уровню разработки проблемы: «Физический тип народа Индии», «Языки Индии», «Статистика населения Индии», «Народное здоровье Индии». В тексте оставшейся части сделаны небольшие купюры по тем же соображениям. Проверены сноски. В них устранены неточности и добавлены указания на новую литературу по затронутым проблемам. Редакторская стилистическая правка касалась лишь тех мест, которые в результате эволюции языковых норм приобрели двусмысленность или изменили значение. Однако составитель и редактор не считали нужным править несколько старомодный, но оригинальный стиль автора. Термины и восточные имена выправлены в соответствии с написанием, принятым в настоящее время. Приводи-

мые в книге выдержки из индийской классической литературы сверены и выправлены в соответствии с последними русскими переводами, если они за это время появились, с тем чтобы не создавать путаницы у читателя, знакомого с этими переводами. Так, выправлены некоторые цитаты из «Ригведы», «Бхагавад-гиты», ряда других произведений и все выдержки из «Законов Ману».

Все купюры обозначены отточием в угловых скобках — <...>. В угловых скобках даны также редакторская правка, если она не самоочевидна, обновленные переводы и дополнения в примечаниях.

Л. Б. Алаев

РЕЛИГИИ ИНДИИ

В Индии, как и на Востоке вообще, все проникнуто религией, ею регулируются не только законы и строй государства, но и жизнь деревни, уклад жизни ее обитателей от рождения до смерти. По отношению к Индии было бы невозможно преувеличить все глубокое и всестороннее значение этого фактора для судеб народных масс. Даже в области экономических проблем исследователь неизменно наталкивается на религиозный фактор, улавливая его властное влияние как на бюджет деревни, так и на убогий бюджет райята. Для примера возьмите хотя бы один только культ предков, этот основной догмат индуизма <...>

Укажем, насколько глубоко религией пропитан бытовой обиход райята. Все здесь диктуется религией, за всем следит религия — за рождением, первым зубом, «первым взором на луну», браком, смертью, ходом дня — утро, полдень, вечер... она же диктует райяту систематические омовения, хождения по святым местам... Нищий из брахманов очень часто просит милостыню для выполнения отцовской или материнской шраддхи (поминок <по отцу или матери>) или упанаяны <обряд инициации> для своих детей, и он редко уходит с пустыми руками¹. Знаменитый стих «Ригведы» каждое утро повторяется вот уже более трех тысяч лет правоверными индусами, большинство которых, конечно, не понимает смысла слов давно забытого языка².

Словом, понять Индию, особенно массовую, народную, без должного углубления в ее религию нельзя. Но как изложить эту религию? Конечно, в данном труде, имеющем практическую цель пояснить реальную Индию <...>, прежде всего не может быть речи о рассматривании религии с философской или догматической точек зрения или под углом исторической преемственности и вариаций ее религиозных течений. Но и при отказе от такого отвлеченного подхода все же было бы недостаточно довольствоваться одной лишь статистической, например, картиной религии. Простой подсчет числа представителей, обрисовка форм и обрядов, перечень мест паломничества и т. д. дают слишком пестрый, путанный узор, мало понятный по своему содержанию, связи и совершенно трудный для запоминания. Не ясны сравнительная важность явлений, степень и размах их

влияний, причины их того или иного распространения и т. д. — словом, получается мертвая картина явлений, не поясненная ни в плоскости связи или соподчинений, ни под углом хотя бы элементарной исторической перспективы. Нельзя упускать из виду <...> степени давности того или иного обряда, формул, обычаев, ибо эта давность прямо пропорциональна, выражаясь математическим языком, степени жизненности явления, его ответственности обстановке, размерам его распространения, а главное — степени привычки к нему народа <...> Эти соображения заставляют нас коснуться, хотя вкратце, динамической стороны религий Индии, т. е. их истории. Приведенный стих гаятри, читаемый народом Индии ранним утром, сложные, а с этим и дорогие родительские похороны, свадебный ритуал, обездоленное положение женщины, кастовые коридоры, святость коровы, милосердие к животным и т. д. — все это идет со дней глубочайшей старины, все это, хотя кое-что только вчерне, набросано уже в «Ригведе» <...>

ИНДУИЗМ

Индия — страна индуизма по преимуществу, около этой религии, как думают некоторые, сплеталось всегда единство страны <...> Разгадать и установить сущность этой религии, свести ее хотя бы к каким-либо аналогиям пытались очень многие, и это никому не удавалось. Индуизм прежде всего сложен, он и социальная организация, с одной стороны, и религиозный синтез — с другой; в качестве социальной организации он покоится на касте как базе, пускающей свои корни в этнические и социальные элементы народа Индии; как религиозный синтез индуизм представляет коалицию из старого ведийского культа брахманов, перемешанного с буддизмом, с одной стороны, и с первобытными культами преариев и индо-скифских масс — с другой. Та же сложность содержания обусловлена еще тем, что, являясь религией более чем 200-миллионного народа, стоящего на широчайшей социальной ступени от многомудрого брахмана, от европейски образованного профессора университета или судьи и кончая представителем угнетенной касты, живущим в лесу, — религией, разбросанной по всем углам огромной Индии, т. е. живущей при разнообразной обстановке: труда, климата, почвы, ландшафта, устрашающих явлений природы и т. п., индуизм должен был выработаться в сложнейшую религиозную систему — гибкую, полную неуловимых нюансов, по содержанию эклективную, должен был создать сложнейший пантеон богов, число которых исчисляется миллионами³, и, наконец, всю эту цепь понятий вынужден был опутать тесным кольцом культа и церемоний, которые главным образом и позволяют индуизму сохранить свою жизненность и единство. По-

лученные пестрота и разнообразие религиозного сюжета представляют для массы неисчерпаемый источник переживаний: надежд, страстей, отчаяния, исступления, ужаса, слез, мольбы, мечтаний,— источник, из которого она пьет вот уже много сотен лет и будет пить грядущую череду столетий, конец которой трудно и предвидеть. Характеризуя то же разнообразие, вдумчивый сэр Лайэль⁴ хорошо говорит: «Для толпы он (индуизм.— А. С.) представляет странную и пеструю смесь суеверий, богов, демонов, призраков, сомнительных святых, полубогов, домашних богов, племенных богов, местных богов, нелепых, свирепых, фантастических, забавных, прекрасных, гуманных, кротких, жестоких, содрогающихся при виде смерти насекомого и убажжаемых животными и человеческими жертвами». Но индуизм не довольствуется этой сложной системой достигнутого им развития, он не стоит на месте, он не окаменел в своих последних формах, наоборот, он находится в процессе непрерывного преобразования, эволюции, неустанных приспособлений. Эта замечательная, неуловимая в своем существе религия просторно заимствует из самых разнообразных источников, ни на минуту не теряя способности к непрерывному пополнению своего запаса догм, верований, обрядов, почерпаемых то из пропастей примитивного миропонимания, то с дерзновенных высот поисков передовых умов.

Шейэ⁵ говорит, что индуизм лишен всякой индивидуальности, что он лишь повторяет чужое, что он, наконец, не обладает тем ясным кредо, которое создает непроходимый барьер между соперничающими религиями. С этими утверждениями согласиться нельзя. По сравнению с другими мировыми религиями — христианством, буддизмом, исламом — индуизм типичен, ярок и самобытен, представляя собою особую, оригинальную систему и мировоззрения и богопочитания, и эта самобытность протекает по всему содержанию религии от верхов — философская космогония, где еще есть кое-какие аналогии, до низов кровавого жертвоприношения и самой грязной эротики, присущих только индуизму. Он не может повторять только чужое, ибо он гораздо чаще сам дает материал для других; он, например, выделил из своего старого русла такие два крупных течения, как джайнизм и особенно буддизм, он несравненно более повлиял на христианство, чем взял от него, он сильно пропитал ислам (касты, идея пирства...) и т. д. Наконец, он имеет кредо, так как только наличием определенного колорита или содержания, ясно выраженного догматизма можно объяснить длительную борьбу индуизма с буддизмом и полное вытеснение последнего из Индии, затем длительную борьбу с исламом с победоносным исходом для индуизма и резкую демаркацию, пролегающую между обеими религиями... Словом, внимательный по природе и много работавший над Индией Шейэ неправ, но он ли один ошибался, думая и углубляясь в неуловимую

столь чуждую для европейского понимания и чувств религию. Вот почему приходится раздвинуть рамки исследования вопроса, вот чем создается необходимость обернуться на прошлое индуизма, и прошлое довольно далекое, дабы создать о нем более отчетливую картину.

Нигде в мире мы не находим столь полной и столь длительной картины развития религии, как в Индии. В своих ведах эта страна сохранила нам самые древние и самые полные документы для изучения первичных шагов естественной религии, начальных попыток человеческого ума разобраться в окружающей его природе; та же Индия, несмотря на все превратности истории, сохранила по крайней мере зерна первичных верований до наших дней. Такие «зерна», как авторитет брахмана (или гуру), святость коровы, техническая сторона жертвоприношений, сложная, но и пунктуальная подробность обрядов, даже облики богов, <таких, как> Шива или Вишну, насчитывают за собою не менее 4—5 тыс. лет.

Из всех религиозных концепций, говорит А. Барт об индуизме, «ни одна не явилась столь жизненной, столь податливой, столь способной облекаться в самые причудливые формы, столь находчивой в применении всех крайностей; ни одна не умела так хорошо вознаграждать свои потери, ни одна не обладала такой способностью постоянно порождать новые секты, даже великие религии и, таким образом, постоянно возрождаясь из самой себя, противиться всем причинам разрушения... Это настоящий лабиринт строений, громоздящихся одно на другом, и первые исследователи почти всегда терялись в них, настолько официальная история их лжива и столько в них встречается развалин, представляющихся почтенными с виду, но не имеющих давности. В настоящее время благодаря открытию вед, которые осветили нам их первые основания, стало легче ориентироваться в них; но свет еще далеко не проник во все части здания, и нет возможности начертать его план без пробелов»⁶.

Отсюда мы видим, что задача пред нами была бы исключительной сложности и трудности, если бы мы не имели в виду чисто практической цели: установить историческую преемственность, а вместе с тем и устойчивость тех сторон индуизма, которые должны быть поняты и учтены в современной политике и экономике народа Индии. Отсюда ни догматическая сторона, ни космогоническая, ни область религиозных сравнений, ни вытекающие из индуизма философия и мирозерцание нас не будут интересовать или будут интересовать мало; скажем иначе: в индуизме мы будем искать не его изломы в высоту, в сферы привилегированного мышления, а его спуски вниз, в серые народные массы, где он является практической моралью, бытовым календарем и распорядчиком общетрудового и экономического достояния людей.

Начало индуизма коренится не внутри Индии, а где-то вне

ее, в далеких степных пространствах, где некогда кочевали арии. Эти старые властители и законодатели Индии, наложившие потом на нее свою печать до наших дней, были чрезвычайно набожны, обладали наивной, но очень крепкой верой. Природу, их окружающую, — небо, воздух и землю — они наполняли сонмом богов⁷, олицетворяя непонятные им, но столь внушительные для них силы природы; их всемогущество они переносили и в свою повседневную жизнь, вводя небожителей в стены своих хижин, разделяя с ними трапезу у домашнего жертвенника. Внутренний быт ариев был прост, демократичен и жизнерадостен. Жена — госпожа дома, подруга мужа⁸ и заместительница его при жертвоприношениях. Жизнь на земле была обильна и богата прелестями, так как ею «правили» веселые и лучезарные боги. Предки индусов желали иметь больше детей, а главным образом мальчиков... о них они страстно молили бога, предоставляя ему «девочек послать кому-либо другому». Во внешних сношениях они были круче, жестче, аморальнее, — умерщвление противника не было убийством, присвоение чужой собственности являлось подвигом. Умножение коров было их экономическим идеалом⁹, уже рано давшее этому животному исключительный ореол, сохранившийся и поныне. Словом, по выражению Рис-Дэвидса¹⁰, это было детски простодушное, ясное, счастливое и полное энергии племя, не ведавшее ни размышлений, ни сомнений.

Но мы сказали, что зачатки религии подмечаются гораздо раньше момента подхода ариев к Индии. Некоторые из ведических богов, очевидно, получили свою жизнь уже тогда, когда иранцы и индоарии жили еще общей семьей. Яма, ведийский бог мертвых, соответствует Йиме, правителю рая в «Авесте», а ведийский бог солнца Митра полностью совпадает с персидским Михтрой, культ которого так широко был распространен по Римской империи времен 200—400 гг. н. э. Но, по-видимому, еще раньше, уже в эпоху индоевропейской общности, созданы были некоторые религиозные концепции, донесенные потом до Индии. Оттуда, очевидно, идет общее понятие бога (*deva* ведийское, *deus* латинское) или представление о небе как о божественном отце (ведийское *dyaus pitar*, греческое *zeus pater*, латинское *Jupiter*).

Основы религии индоариев с момента их вступления в Индию и на протяжении 1200—1500 лет нами узнаются из так называемой ведийской литературы, период которой известный санскритолог профессор Макдонелль определяет в 1500—200 лет до н. э.¹¹, из той же литературы мы узнаем и некоторые нужные нам подробности, сохранившие свой облик и влияние в современном индуизме.

Элементарные сведения об этой литературе существенно необходимы. Древнейшими документами о религии Индии являются сборники, называемые «ведами» (т. е. ведение, знание, а